

Рец. на кн.: AGNIESZKA HALEMBA. NEGOTIATING MARIAN APPARITIONS: THE POLITICS OF RELIGION IN TRANSCARPATHIAN UKRAINE.

Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 312 p.

Жанна Владимировна Кормина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

16 ул. Союза Печатников, Санкт-Петербург, Россия

jkormina@hse.ru; kormina@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я: В рецензии рассматривается монография Агнешки Халембы о формировании сакрального центра в месте недавнего явления Девы Марии в Закарпатье. В книге разделяются понятия религиозного института и религиозной организации и предлагается анализ работы священников по созданию новой святыни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Закарпатье, Грекокатолическая церковь, видения.

Д л я с с ы л о к: Кормина Ж. Рец. на кн.: Agnieszka Halemba. Negotiating Marian Apparitions: The Politics of Religion in Transcarpathian Ukraine. Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 312 p. // Антропологический форум. 2019. № 40. С. 179–187.

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/040/kormina.pdf>

d o i: 10.31250/1815-8870-2019-15-40-179-187

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2019, NO. 40

A Review of AGNIESZKA HALEMBA, NEGOTIATING MARIAN APPARITIONS: THE POLITICS OF RELIGION IN TRANSCARPATHIAN UKRAINE.

Budapest; New York: CEU Press, 2015, 312 pp.

Jeanne Kormina

National Research University Higher School of Economics

16 Soyuzo Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia

kormina@eu.spb.ru; jkormina@hse.ru

A b s t r a c t: This review article discusses A. Halemba's book on post-Soviet developments in the religious life of two Greek Catholic communities in Transcarpathian Ukraine. The book focuses on the history and ethnography of the site of a Marian apparition (Dzhublyk). It presents an ethnographic analysis of the religious organizations involved in the management of the site.

К е y w o r d s: Greek Catholic Church, Marian apparitions, Transcarpathian Ukraine, ethnography of organizations.

T o c i t e: Kormina J., 'A Review of Agnieszka Halemba, Negotiating Marian Apparitions: The Politics of Religion in Transcarpathian Ukraine. Budapest; New York: CEU Press, 2015, 312 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 40, pp. 179–187.

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/040/kormina.pdf>

d o i: 10.31250/1815-8870-2019-15-40-179-187

Рец. на кн.: **Agnieszka Halemba. Negotiating Marian Apparitions: The Politics of Religion in Transcarpathian Ukraine.** Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 312 p.

В рецензии рассматривается монография Агнешки Халембы о формировании сакрального центра в месте недавнего явления Девы Марии в Закарпатье. В книге разделяются понятия религиозного института и религиозной организации и предлагается анализ работы священников по созданию новой святыни.

Ключевые слова: Закарпатье, Грекокатолическая церковь, видения.

Даже те, кто никогда не занимался изучением католичества, наверняка слышали об *apparitions* — явлениях верующим Девы Марии и других персонажей, населяющих католические небеса. Книга польского антрополога Агнешки Халембы рассказывает о таком событии (*apparitional event*) — недавнем явлении Мадонны в Закарпатской области Украины — и о том, как оно повлияло на повседневную жизнь местного сообщества. Если до середины XIX в. явления были фактом индивидуальной биографии святого или кандидата на канонизацию, сообщаящим о его / ее избранности, то позже они стали публичными событиями с собственными историями, где визионеры играли важную, но уже не центральную роль. Религиозная харизма из мира религиозных виртуозов и мистиков перемещается в доступные всем пространственные локусы, где соучастниками чудесных видений становятся представители местного сообщества (Р. 73–74). С тех пор Дева Мария является простолюдинам или детям, как это было во французском Лурде (1858), ирландском Ноке (1879), португальском городке Фатима (1917), баском Эксиогге (1931), селении Междугорье (1981) в Боснии и Герцеговине, итальянском Оливера Ситра (1985) и многих других местах. В одном из таких мест, закарпатском урочище Джублик, в августе

Жанна Владимировна Кормина
 Национальный
 исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»,
 Санкт-Петербург, Россия
 jkormina@hse.ru;
 kormina@eu.spb.ru

2002 г. Дева Мария предстала перед двумя местными девочками девяти и десяти лет, Марьянкой и Оленкой. В Джублике и соседних с ним селах, Нижнее Болотное (Нижне Болотне) и Ольховка (Вільхівка), и проводила свое полевое исследование автор книги.

Открывая монографию про такой экзотический феномен, каким внешнему наблюдателю должны казаться чудесные явления Девы Марии, ожидаешь увидеть рассуждения о народной религиозности, переговорах между институциональной религией и живой верой и тому подобные вещи, описанные с ориентацией на точку зрения обычного человека, представителя «молчаливого большинства». Именно так чаще всего устроено антропологическое исследование: мы хотим услышать голоса информантов, не имеющих доступа в сферу широкой публичной дискуссии, и дать им возможность через наши тексты высказаться; нас интересуют власть и несправедливость, скрытые формы эксплуатации и практики сопротивления социально слабым. Агнешка Халемба предлагает иной подход к своему материалу: она берет интервью и работает как этнограф с официальными представителями религиозной организации, такими как священники в Джублике и соседних селах или учащиеся и преподаватели семинарии в Ужгороде. Этого требует от нее сам полевой материал, поскольку признание факта видений католической церковью (а прием группы местных жителей вместе со священниками и девочками-визионерками самим Папой Римским красноречиво говорит об этом) в значительной степени зависит от бюрократической, публикационной, организационной деятельности местных клириков.

К этнографии церковных институтов (автор называет их организациями) взывало само поле, однако чувствительность автора к этому аспекту религиозной жизни местных общин была подготовлена также ее предыдущим опытом полевого исследования на Алтае, где повседневная жизнь и ее религиозная составляющая устроены совсем иначе [Halemба 2006]. В отличие от Алтая, в Закарпатье она увидела хорошо организованную иерархическую структуру, функционирующую на определенной территории, чья история существенна для понимания протекающих там ныне процессов (Р. 30–31). История этого региона и присутствующих здесь церквей рассматривается в специальной главе книги (глава 3 «Нация и церковь в Закарпатье»). Религиозные общины в обоих селах относятся к Грекокатолической церкви, или Католической церкви восточного обряда, причем к ее особому подразделению — Мукачевской епархии, существующей на правах самоуправляющейся церкви и напрямую подчиняющейся Папе Римскому. Следует добавить, что после присоединения в итоге Второй мировой войны

Закарпатье и Галиции к Советскому Союзу деятельность грекокатоликов была запрещена, и их общины вынуждены были присоединиться к Русской православной церкви. При этом священники, сумевшие найти себе светскую работу, продолжали тайно совершать службы, а перешедшие в православие грекокатолические священнослужители сохраняли целый ряд католических практик в религиозном обиходе, например причастие в первую пятницу месяца или использование четок (Р. 162).

В результате интенсивной этнографической и архивной работы Халемба обнаруживает различия в способах построения отношений между прихожанами и священниками в том приходе, где священник в советское время формально перешел в православие вместе со своей общиной, и там, где были активны подпольные грекокатолические священники, а настоятель храма, также присоединившийся к православной церкви, приезжал только для совершения праздничных служб. В первом случае к приходскому священнику будут относиться скорее как к наемному работнику, что объясняется и общим современным «благочестивым антиклерикализмом» (Р. 202), и ослаблением церковных институтов в советское время. Во втором случае степень уважения к священнослужителю выше, ему легче стать частью элиты местной общины. Однако при любой из этих конфигураций «харизмы должности», которая должна обеспечивать особый статус священнослужителя, оказывается недостаточно, требуется и личная харизма. Когда община помнит о подпольных священниках, погибших за веру в годы советской власти или тайно служивших и выживших, их харизмы мучеников вполне хватает для того, чтобы к их преемникам сохранялось особое уважение. Еще одна причина общего отношения к священнику как к наемному работнику, чье пропитание обеспечивается деревней, связана с высокой степенью самостоятельности и активности деревенской и религиозной общины, совершенно удивительных для тех, кто когда-либо работал с православными приходами в России. Это священникам, а не их прихожанам приходится прибегать к стратегиям сопротивления слабым перед лицом общин, имеющих советский опыт самостоятельной организации религиозной жизни. Все эти вопросы обсуждаются в четвертой главе «Авторитет священника».

Интересно, что тезис о приватизации религии вследствие советской антирелигиозной кампании, когда религиозные институты были вытеснены из публичного пространства, с которым согласна Халемба, в ее случае оказывается не таким убедительным, если вообще работает. Для автора этой идеи Тамары Драгадзе [Dragadze 1993] одним из признаков доместикации религии был переход религиозных практик из публичного пространства в сферу семьи и женской ответственности. В слу-

чае с закарпатскими грекокатолическими общинами ничего подобного не происходит: лидирующие роли принадлежат мужчинам, а сельская община остается равной приходской общине. Как пишет Агнешка Халемба, за все время полевой работы она встретила только одного местного жителя, открыто считающего себя атеистом. Для абсолютного большинства жителей региона церковная жизнь составляет естественную часть их повседневной рутины.

Грекокатолики отличаются от римокатоликов (например, отсутствием правила celibата священников), но все же остаются частью католического мира. Среди многих способствующих этому обстоятельств существенную роль играет близкий «чужой» — Православная церковь. Согласно логике религиозного национализма, предписывающей принадлежность к определенной религиозной организации для обозначения своей этнической или национальной идентификации (см., например: [Штырков 2013]), она понимается как русская церковь. В той же логике Мукачевская епархия отказывается сливаться с остальными украинскими католиками византийского обряда: формально она входит в Русинскую грекокатолическую церковь и поддерживает русинскую этническую идентичность, что рассматривается другими грекокатоликами Украины, ставшими в постсоветское время важнейшей силой в формировании украинской национальной идентичности, как определенная угроза национальному единству (Р. 101).

Однако гораздо важнее для автора, как и для ее информантов, локальная идентичность которых несравнимо сильнее их национальных сантиментов, превращение урочища Джублик в площадку глобального католичества. Сюда приезжают паломники с организованными турами из городов Западной Украины и из-за границы. В конце августа в день первого явления Девы Марии здесь устраивается шумный праздник с фейерверком, спортивными состязаниями и концертом. Богослужение в Джублике эстетически отличается от привычного местным жителям: вместо канторов-мужчин поет хор девушек, в музыкальном сопровождении иногда используется синтезатор и электрогитара. Все это привлекает молодежь, предпочитающую ходить на службы в построенный здесь монастырь вместо своих приходских храмов. Монастырь сам по себе является частью транснационального католического мира, включая через Джублик в этот большой мир Мукачевскую епархию и украинских грекокатоликов вообще. Эти наблюдения над локальным и глобальным католичеством подводят автора, развивающую линию рассуждений Р. Брубейкера и Ф. Купера [Brubaker, Cooper 2000], к рассмотрению группового и сетевого принципов организации религиозных сообществ и тенденции

к постепенному переходу от групповости (*groupness*) к связанности (*connectivity*) и общности (*commonality*), подтверждение которым я вижу и в собственном полевом материале, среди православных и иных религиозных сообществ (см., например: [Кормина 2012]).

Рассказывая о спорах вокруг святыни и описывая ее инфраструктуру, Халемба обращает внимание на то, что в своих размышлениях о легитимности этого места паломничества священники уделяют ничтожно мало внимания вопросу о достоверности самого события видений. Куда более важными для них оказываются его последствия. Иными словами, с точки зрения представителей церковной институции сообщения о явлении Девы Марии заслуживают веры, если их последствия полезны для организации. Свидетельства о подобных явлениях в разных местах католического мира появляются регулярно, включая и Украину, но в тех случаях, когда в своих сообщениях Мадонна устами визионеров выступает с критикой католической церкви, религиозная организация не позволяет сформироваться инфраструктуре святыни и визионерский опыт постепенно забывается сообществом. Халемба спорит с известным специалистом по католицизму Робертом Орси, который ставит знак равенства между явлениями Девы Марии и непосредственным опытом визионеров [Orsi 2008]. Работа в Джублике убедила Агнешку Халембу в том, что между визионерским опытом и тем, что происходит на святом месте после его получения, нет ясных каузальных связей. И явления как события (*apparitional events*), и места явлений (*apparitional sites*) могут благополучно развиваться без участия визионеров. В случае с Джубликом одна из девочек, став постарше, уехала продолжать образование в город, другая, хотя и осталась жить в своем селе, не получала больше сообщений от Девы Марии и не приобрела какого-то особого статуса в деревне (Р. 84–85). Автор признается, что хотя она познакомилась с обеими девочками и даже несколько недель жила в доме одной из них, дочери священника, она не решилась или не нашла нужным взять у них интервью. В этом она верна золотому правилу полевой работы: следуй за своим информантом. А информанты Агнешки Халембы не то чтобы не верят в правдивость видений (хотя некоторые священники прямо говорят, что не верят), но заботит их совсем не это.

Для анализа своего богатого материала Халемба привлекает когнитивистский подход к исследованию религии (см. изложение этого подхода в: [Буайе 2017]). Вообще-то он скорее упоминается, чем последовательно используется, и опознаваемые его следы обнаруживаются больше в риторике, чем в попытке его применить. На это указывают такие выражения, как «опыт,

который считается религиозным» (“experience deemed religious”), «особые вещи» (те, которые в силу своей необычности могут наделяться религиозными значениями), или обозначение видений как мультисенсорного опыта (“multisensory experiences”). Не совсем понятно, чем когнитивистский подход показался автору привлекательным: предпринятый эксперимент лишний раз убеждает в антиэтнографичности, вытекающей из его универсализма.

Возможно, ценность в том, что именно экспериментирование с когнитивистским подходом подсказало Агнешке Халембе идею аналитического различения между тремя составляющими религии: религиозным опытом, религией как институтом (таким же социальным институтом, как семья или дружба) и религиозными организациями. Однако если следовать когнитивистской повестке, то в книге должна была бы идти речь о пространстве религиозного опыта, и именно об этом автор рассуждать отказывается. Изучать предлагается не опыт, привычно оставляемый за пределами научного познания, а его последствия, и в книге замечательно показано, как это можно делать через анализ религиозных институтов и организаций, которые принимают в себя (*embrace*) эти институты. Выходит, что методологический реверанс в сторону когнитивистских исследований религии становится лишним аргументом для того, чтобы этот опыт не изучать, оставляя его сакральным «отделенным и запретным», куда антропологу ходить не нужно. Когнитивисты утверждают, что они обладают инструментарием для изучения «опыта, который считается религиозным», но брак когнитивистики с антропологией, во всяком случае в области исследований религии, оказывается пока несчастливым: когнитивистике отвратительно основное приданое антропологии — этнография, и в эвристическом отношении этот союз остается бесплодным. Конечно, достойным результатом эксперимента можно считать и оттачивание, через оглядку на модное течение, собственной аргументации.

Последовательный отказ от изучения религиозного опыта и работы с теми, кто, по убеждению сообщества, этот опыт пережил, вытекает, как и многое в этой книге, из замечательного этнографического чутья автора. Обычно в католической традиции однажды начавшиеся видения повторяются. Во время своих появлений Мадонна передает послания к верующим через изначальных или новых визионеров, так что первая визитация открывает святое место для дальнейших явлений Девы Марии и получения ее посланий. В Джублике же явление было единичным, каким в православии бывает явление иконы, обозначающей, как удачно сказал о местах паломничества Питер Браун, место встречи небес и земли [Браун 2004]. Так что

Агнешке Халембе не довелось наблюдать обстоятельства, окружающие такие события, а само событие по сравнению с функционированием религиозной организации, с ним работающей, оказывается этнографически ничтожным.

Главным объектом своего этнографического исследования Халемба делает религиозные организации, до сих пор, как она справедливо пишет, мало интересовавшие антропологов. «Чтобы понять, каким образом религия представлена в современном мире, почему она важна и как присутствует в публичной сфере, мы должны анализировать деятельность церкви как организации, используя антропологическую перспективу, с ее фокусом на действиях, понимании и практиках создания значений у людей, которые рассматривают себя как привилегированных членов этой организации. Важно проследить множественность и разнообразие позиций и перспектив и увидеть, как эти разные голоса формируются сами и формируют процедуры, идеологии и практики организации» (Р. 32–33). Именно религиозная организация создает видение, а не наоборот, потому что она задает рамки для такого «мультисенсорного опыта», который будет признан легитимным, соответствующим глобальной культуре католических видений. Поэтому главные люди в Джублике (как и в других святых местах; кто сомневается, посмотрите фильм Дж. Хаусснер «Лурд», 2010 г.) — не визионеры, а менеджеры святыни (Р. 54). Этнография религиозных организаций необходима и для их демистификации: как справедливо пишет Халемба, организация часто воспринимается в качестве единой сущности, которая обладает волей и может действовать, как если бы это была личность (Р. 10). Полезным для тех, кто отважится пойти по предложенному в книге пути этнографического исследования организации через длительное наблюдение за ее жизнью и в локальном измерении будет предложенное в монографии понятие *organizational embracement*, которое может быть переведено на русский как «включение в организацию» (т.е. соответствующее ее правилам упорядочивание определенного института) или как «охват организации».

Книгу трудновато читать; она написана в манере, не очень привычной для избалованного увлекательно написанными антропологическими монографиями читателя. Однако усилия тех, кто решит это сделать, будут вознаграждены.

Библиография

- Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.
- Буайе П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 496 с.

- Кормина Ж.В.* Номадическое православие: о новых формах религиозной жизни в современной России // *Ab Imperio*. 2012. № 2. С. 195–227.
- Штырков С.А.* Традиционалистские движения в современном северо-осетинском обществе и логика религиозного национализма // *Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде*: Сб. ст. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 331–362.
- Brubaker R., Cooper F.* Beyond Identity // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 1–47.
- Dragadze T.* The Domestication of Religion under Soviet Communism // *Hann C. (ed.). Socialism. Ideals, Ideologies and Local Practice*. L.; N.Y.: Routledge, 1993. P. 148–156.
- Halemba A.* The Telengits of Southern Siberia. Landscape, Religion and Knowledge in Motion. L.; N.Y.: Routledge, 2006. 226 p.
- Orsi R.* Abundant History: Marian Apparitions as Alternative Modernity // *Historically Speaking*. 2008. Vol. 9. No. 7. P. 12–16.

Жанна Кормина

A Review of Agnieszka Halemba, *Negotiating Marian Apparitions: The Politics of Religion in Transcarpathian Ukraine*.

Budapest; New York: CEU Press, 2015, 312 pp.

Jeanne Kormina

National Research University Higher School of Economics
16 Soyuzna Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
kormina@eu.spb.ru; jkormina@hse.ru

This review article discusses A. Halemba's book on post-Soviet developments in the religious life of two Greek Catholic communities in Transcarpathian Ukraine. The book focuses on the history and ethnography of the site of a Marian apparition (Dzhublyk). It presents an ethnographic analysis of the religious organizations involved in the management of the site.

Keywords: Greek Catholic Church, Marian apparitions, Transcarpathian Ukraine, ethnography of organizations.

References

- Boyer P., *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. New York: Basic Books, 2001, 375 pp.
- Brown P., *The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity*. Chicago: University of Chicago Press, 1981, 187 pp.
- Brubaker R., Cooper F., 'Beyond Identity', *Theory and Society*, 2000, vol. 29, pp. 1–47.
- Dragadze T., 'The Domestication of Religion under Soviet Communism', *Socialism, Ideals, Ideologies and Local Practice*. London; New York: Routledge, 1993, pp. 148–156.
- Halemba A., *The Telengits of Southern Siberia. Landscape, Religion and Knowledge in Motion*. London; New York: Routledge, 2006, 226 pp.
- Kormina J. V., 'Nomadicheskoe pravoslavie: o novykh formakh religioznoy zhizni v sovremennoy Rossii' [Nomadic Orthodoxy: On New Forms of Religious Life in Contemporary Russia], *Ab Imperio*, 2012, no. 2, pp. 195–227. (In Russian).
- Orsi R., 'Abundant History: Marian Apparitions as Alternative Modernity', *Historically Speaking*, 2008, vol. 9, no. 7, pp. 12–16.
- Shtyrkov S. A., 'Traditsionalistskie dvizheniya v sovremennom severo-osetinskom obshchestve i logika religioznogo natsionalizma' [Traditionalist Movements in Contemporary Ossetian Society and the Logic of Religious Nationalism], *Kavkazskiy gorod: potentsial etnokulturnykh svyazey v urbanisticheskoy srede* [The Caucasian City: The Capacity for Ethno-Cultural Connections in Urban Society]. St Petersburg: Museum of Ethnography and Anthropology, 2013, pp. 331–362. (In Russian).